

МЕИР ЛАНДАУ

Новеллы

Меир Ландау

Новеллы

«Издательские решения»

Ландау М.

Новеллы / М. Ландау — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907715-8

Сборник новелл и рассказов в жанре мистики, фантастики и философского направления. В сборник вошли произведения, написанные автором с 2012 по 2017 годы.

ISBN 978-5-44-907715-8

© Ландау М.
© Издательские решения

Содержание

Иешуа, рай и ад	6
Пустота	9
Одиннадцатая заповедь	11
Старик и чайка	13
Несостоявшийся Песах	15
Нужный эффект	17
Это сказания дней...	20
Мальчик с «Титаника»	28
Гарри снился очень странный сон	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Новеллы

Меир Ландау

© Меир Ландау, 2018

ISBN 978-5-4490-7715-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иешуа, рай и ад

У меня, всё чаще чаще, всплывают в памяти воспоминания о том, чего на самом деле не было. Его не могло быть по факту моего существования. А может быть, это воспоминания из другой жизни? Может быть это воспоминания не мои, а кого-то того, кто стоит рядом и подталкивает меня дожить его, внезапно прервавшуюся жизнь?

Так это, или не так, я не знаю... Но, вижу тёмный берег, ласковые волны в ночной тиши шумят свою песню, полный месяц, почти соприкасаясь с горизонтом, пускает к побережью свою серебристую лунную дорожку... И парусник... Парусник купается в сиянии огромной, волшебной луны, окунается в её магию и растворяется в нежном свете мистического светила...

Что это? Откуда? Кто шепчет моему сознанию эти мыслеформы и так ли они уж безобидны? Не знаю... Не думаю... Чувствую... – щит воина...

Мы все попали в ад. И в нём живём. Живём. Волозимся. Ворочаемся в грязи. В самой грязной из придорожных ям. Просто, некоторые при этом смотрят на звёзды. Не забывают о Божественной Сущности, находясь в своём круге ада.

Вы думаете, что ад это огонь и дым? вы представляете его с чертями и раскалёнными котлами? Нет... Оглянитесь вокруг... Видите этих милых созданий, зовущихся людьми? Мы все сидим в одной комнате и каждый из нас выступает палачом другого. И чертей не надо. Ничего не надо. Мы сами, и себе и ближним, создаём плаху и пытки. И сами себе придумываем кары, чтобы потом от них страдать. Выть. А зачем? А у себя спросите, зачем...

Человек напоминает навозного жука в навозе, самом грязном и мерзко пахнущем. Не все такими становятся. Далеко не все. И далеко не сразу. детки рождаются ангельскими сущностями, подобные феям и сказочным эльфам. Порхают в лучах яркого солнышка, купаются под грибным дождиком. Радуются свету и жизни и стремятся, спешат поделиться своими радостями со всем миром.

– Мамочка, папочка! Смотрите! Я солнышко нашёл, – спешит, какой-то мальчишка, или девчонка, показать своё открытие родителями. И что мы чаще всего слышали в ответ от умудрённых взрослых? Радость? Нет...

– Фу какая гадость! Немедленно выкинь! Иди мой руки! Фу! – отвечают родители...

– Не гладь собачку! Она блохастая! Выбрось котёнка! Он паршивый! – и так далее...

И понимает маленький человечек, что всё вокруг паршивое, блохастое, а значит плохое... А значит, от него нужно избавлять мир... убивать... А вы удивляетесь, что вокруг полыхают войны? Я, лично, не удивляюсь. Неприятие собачек и кошечек переливается в неприятие тех, кто подобен тебе, но не похож языком, обычаями, цветом кожи... А неприятие рождает ненависть... Ненависть – отец суеверий и дальше следует кровавый погром, резня, война... Человек не может любить другого человека не любя его детей, его супругу, его собаку в конце-концов. Но он может ненавидеть всё, что связано с тем, кого он ненавидит.

Абсурд, но ненавидя евреев, люди продолжают боготворить еврейского проповедника и его спутников... Может быть – это единственное исключение из правил...

У меня не было бы вопросов к этому проповеднику, не будь я евреем. Но я еврей. И вопросов у меня накопилось столько, что они не впишутся в пару страниц моего Дневника. Или в пару глав. Или в пару книг... Но, не думаю, что меня хватит на столько... Где же он? Где Иешуа А-Ноцри?

– Скажи мне, Иешуа! Почему ты не отвечаешь?
– Как не отвечаю? разве ты не слышишь меня в своей крови?
– Почему я должен слышать?
– Меир, как почему? ты не допускаешь, что моя кровь может течь в твоей крови?
– Почему это ещё?
– Мы вполне можем быть родственниками, очень дальними, но всё же...
– Иешуа... Меня примут за сумасшедшего, если я даже заикнусь об этом...
– А разве я не считался сумасшедшим и богохульником?
– Считался...
– Ну вот видишь, брат...
– Разве мы можем быть братьями?
– А разве я говорил, что я не сын плотника?
– Нет.. но говорят...
– Что я сын Б-жий?
– Да...
– Не более, чем весь наш народ...
– Значит ты не можешь дать ответ обо всём, что происходит?
– Ещё как могу... Сыновья плотников, батраков, бедных врачей, могут быстрее ответить на те вопросы, на которые не ответит собрание самомнящих мудрецов.

– Тогда скажи, брат Иешуа, почему за две тысячи пятнадцать лет ничего не изменилось? Ты ведь обещал...

– Я не обещал, что Б-г сам всё сделает за людей. Где это написано? Разве Левий Маттей написал такое? Или тот мальчишка Иона? Или римляне Лука и Марк? Из них всех только Иона мог написать нечто внятное. Кому, как тебе не знать о преданности юных учеников? Трудом своими люди сами строят то, что видят вокруг и наш мир – прямое отражение наших мыслей.

Опять гроза. Опять дождь и хмуро и на улице, и в душе... Опять это чувство, что на фоне всего что вокруг, я ничего не сделал для того, чтобы остановить зло.

Самое интересное, что чью бы сторону ты не занимал, ты всё равно играешь по правилам Кефалейя. ты играешь только в одни ворота. Ты играешь против своей крови.

– Это правда? Иешуа, ответь!

– Да, это правда. Всё что ты видишь, все эти правительства, система, мир... Всё это во власти князя мира сего. Это я говорил. Почему? Потому что я понял это ещё тогда. Когда я увидел властьдержащих, когда я понял, что властьдержатые, даже враги, всегда найдут общий язык между собой и согласятся друг с другом, я их назвал князем мира сего. Вот так. Никакой мистики и никакой религии. Сама власть это зло. Величайшее зло. Потому что властьдержатый готов принести в жертву тысячи неповинных жён и детей, лишь ради удовлетворения своей похоти. Вы, простые люди, очень восприимчивы к идеям, которые вам подбрасывают. Вам говорят, что вы «великие», а вы верите. Какие «великие»? В чём ваше величие? Величие в творении, а не в ненависти. А вы давите головы младенцам, и говорите о величии... О величии себя, предков, народа... Великими были художники и писатели, философы и поэты... А взявший меч – от меча гибнет...

– Но ведь ты тоже говорил, что принёс меч?

– А разве не было сказано перековать мечи на орала?

Мне кажется, что безумие мне уже не грозит. Никому не грозит. Мы и так все безумцы. Мы безумцы только потому, что ещё верим в то, что возможно что-то изменить находясь в системе. Не проще ли отказаться от системы? Вообще выбросить её! Пусть система съе-

дает сама себя. пусть она бьётся в конвульсиях и агонии. Пусть она ругается, рычит, злится... Не нужна она никому... Ненужной и погибнет, утонет в своей ненависти, которую порождает...

Зло называется злом, как его не назови... Политика – это такая сущность зла, которая может принимать любые формы. Политика – как великий искунитель. Политика – проверка качеств и духа человека. Ведь всё что мы видим в обществе, вся эта грязь, вся эта нечистота и вонь из придорожных ям человеческого пути – последствия только одной вещи, некогда сформировавшейся как «заговор властьдержавных». Это система, жертвующая уже не тысячами, а миллионами, ради какой-то очередной похоти необходимой ради удержания во власти...

И солнце клонилось к закату. И солнца вроде бы этого не было. И моря не вижу за окном, или за порогом. Но, как бы я хотел утром выйти и увидеть море, песок, чаек... Думаю, что увижу я его не скоро.

Зато гром... Гром в северных лесах – вообще ощущение неопишное. И неопишным зрелищем предстаёт гроза, молния бьющая по лесу... Вы видели грозу с горы, с крутояра, когда лес будто лежит под ногами... И ветер, дождь, бурные потоки воздуха и воды бьющие в лицо...

Но я хочу увидеть море... Просто родные берега в родных степях...

Пустота

Насколько я понимаю – вокруг пустота.
В пустоте нет ничего. И никого.
Только пустота.
В ней ничего нет.
В ней нет света.
В ней нет тьмы.
В ней нет существ. Или каких-либо признаков жизни.
Смерти в пустоте тоже нет.
Тут нет начала и конца.
Здесь нет середины.
Здесь нет форм или осязаемых запахов.
Тут нет вообще ничего.
Звука тоже нет...
Но я как-то разговариваю, думаю, и даже слышу себя.
Тут есть мысль.
А значит пустота – не совсем пустота?
Нет. Она пустота.
С кем я говорю? Кто ты?
«А кого бы ты хотел увидеть?» – слышу я в ответ голос, звучащий у меня в голове.
Я схожу с ума? Я разговариваю сам с собой?
«Нет... С чего ты взял?... Ты не сходишь с ума. В пустоте невозможно сойти с того, чего нет...»
Ума значит тоже нет? Видимо у меня его никогда и не было...
А кто же ты?
«А кого ты ожидаешь увидеть?»
Б-га, чёрта... близкого человека...
«Б-га-ли, чёрта-ли, близкого-ли человека?»
В пустоте нет ничего... В пустоте нет близкого человека. Если вокруг тебя пустота, если внутри тебя пустота, то разве могут быть в пустоте близкие?»
Да кто ты, чёрт тебя побори?
«Не поберёт. Здесь нет чертей...»
Б-же...
«Здесь нет Б-га...»
А кто ты тогда?
«Я не Б-г... Но он слышит нас...»
Пустота...
«Пустота...»
Но ты же звучишь в моей голове...
«Я же говорю... Пустота вокруг тебя, внутри тебя... Всё это внутри тебя...»
Зачем оно внутри меня? Зачем ты влез в меня?
«Ты сам этого хотел. Ты так сильно звал меня... И я пришёл... Я пустота... А там где я – там ничего и никого нет...»
Даже меня?
«Даже тебя... Тебя нет, потому что нет ничего что должно бы было окружать тебя. Ни Б-га, ни чёрта, ни близкого человека...»
Я понял. Когда исчезает всё. То исчезаю и я вместе с ним...

«Вместе с ним. Опустошил свой мир и исчез вместе с ним.

Ты чертовски догадлив...

И тогда появляюсь я, разговариваю с тобой...

Ведь... некуда спешить и мы можем наконец поговорить. И разговор наш будет длиться вечность...»

И сводишь меня с ума...

«Не говори так! Нет его... был бы у тебя ум, то ты бы не опустошил свой мир и не призывал бы ничто...»

Так ты и есть тот самый ничто, никто и...

«Нечто...»

Нечто... Зачем ты здесь, нечто?

«Ну как тебе сказать? Я здесь, потому что ты здесь...»

И я здесь один?

«О нет! Таких как ты много. Но у каждого своя пустота...»

И ты со всеми говоришь?

«Да. Но с каждым на его языке... И каждый может увидеть то, что пожелает...»

И тогда пустота перестанет быть пустотой?

«Конечно. Каждый может воссоздать свой мир заново, новым, обновлённым, прекрасным или ужасным... Пустота непредсказуема. И поэтому важно сам знаешь что...»

Сохранить добро в себе...

«В каждом есть добро... Каким бы ты хотел увидеть меня?»

Я не знаю...

«Поэтому ты и находишься в пустоте... ты сам не знаешь чего ты хочешь...»

Эй! Не уходи! Ты где?

«Да здесь я, здесь... Ты надумал, какую форму мне дать, и какой дух в меня вложить?»

Я не знаю, нечто...

Пустота всегда останется пустотой... пока нечто остаётся НЕЧТО...

Одиннадцатая заповедь

Красный-красный закат. Красное-красное солнце клонится к краснеющему горизонту. И тишина... Ничего вокруг... Тишина давящая на сознание девственной пустыни...

Чуть слышно поёт кузнечик, пиликает на своей миниатюрной скрипочке. В безбрежном небе ему подпевает жаворонок, а мирно дремлющий около журчащего ручейка зайчонок наслаждается слушанием этого дуэта, мечтает и совершенно не беспокоится о том, что может стать чьим-то ужином...

Хотя... не нужен он волку. Волк озадачен. Так же озадачен тишиной...

Приближаются... двое... Волк прислушался и на всякий случай спрятался за ближайшим пригорком, услышав голоса. А они подплывали, накатывались, будто бы являлись из ниоткуда.

Двое. Один маленький, всё время выбегающий вперёд и оборачивающийся к большому, чинно идущему по дороге. Маленький открывал для себя мир, а большой просто наслаждался всей этой тишиной. Зайчонок. Жаворонок. Кузнечик. Волк... не стоит ему мешать прятаться за холмом. Пусть верит, что мы его не видим... И зайчонок... Пусть слушает...

И над всем этим красное солнце, будто застывшее над горизонтом...

– Пап... а что это оно? Почему застыло?

– Чтобы светить нам дорогу, чтобы мы не опоздали и вернулись домой до темноты...

– А что темнота?

– Ночью не надо ходить в степи...

– Могут напасть волки?

– Разве волк нападёт на того, кто не нападает на него?

– А на зайчат?

– Волк не будет кушать зайчонка, если зайчонок здоров и смышлён...

– Почему?

– Потому что здоровый и смышлённый зайчонок спрячется и не будет делать глупостей...

– А я буду делать глупости?

– Тогда тебя съест волк! – смеётся.

Маленький остановился и поглядел искоса.

– А вот и неправда. Меня не съест волк. Ты же рядом?

– Конечно, я всегда рядом. И не дам волку тебя съесть. Разве я смогу жить без своего сыночка?

– И я без тебя не смогу, пап. Никогда.

– Да ну... подрастёшь, убежишь из дома, и забудешь меня...

– Неправда, папа, я никогда не уйду от тебя.

Большой присел и посмотрел на сына.

– Все дети рано или поздно покидают своих родителей и начинают жить сами, потом у них появляются свои дети, и те уходят. И так до бесконечности.

Маленький нахмурился.

– Но... но я ведь у тебя самый послушный... ты сам говорил, что я самый послушный... И никогда ничего не делаю без твоего разрешения.

– И не балуешься... и это правда.

– А мой брат баловался, и потому ушёл из дома?

– Ну что ты, глупый... Он вырос... У него свои планы... Он захотел построить свой дом... свой мир...

– Но разве может быть его мир лучше того, что построил ты? Разве может быть лучше?

– Не знаю... ему так кажется...

– А вот и неправда! Твой мир самый прекрасный и ты самый умный! Я спрашивал у всех кого видел и кого знаю... и твоих друзей.. и этих, кто завидует тебе... Ты лучший и это знают все... Ты у меня самый лучший, папа!

Большой нахмурился и улыбнулся сыну.

– Я знаю... ты мне рассказывал... Если бы не ты, то разве я мог бы отличить льстеца и завистника от друга? Ты лучший сын на белом свете.

Маленький бросился на шею отца и крепко обнял его.

– Не говори так, папа... Это брат любит когда его хвалят... А мне всё равно... Я люблю тех, кто не врёт мне... и тебе... И поэтому меня боятся, придумывают про меня разные гадости и зовут искусителем...

– Я знаю, Люцифер, – ответил Сущий, – я тоже не люблю тех, кто дрожит от страха. Я забыл им дать одиннадцатую заповедь, которую ты подсказывал мне на горе Хорив...

– Не бойся?

– Не бойся...

Старик и чайка

Во мне всегда жили два человека: один умел летать, а другой в это не верил.

Так думал старик сидя в своей конуре на высоком берегу синего моря, где-то далеко-далеко, в северной стране.

Однажды, он увидел чайку. Чайка кружила над его домом, пела свою песню и медленно опустилась на самое крылечко.

– Здравствуй старик, – сказала чайка, – я тот человек, который умеет летать. Ты когда-то отпустил меня, и я превратился в чайку и теперь летаю где захочу, но ты об этом не знаешь. Ты всегда мечтал быть моряком и поэтому, я чаще летаю над морем. И сейчас, случайно пролетал мимо и решил заглянуть к себе домой, узнать как ты, мой брат-близнец, который не верит в то, что я умею летать.

Заплакал старик.

– Я столько лет просидел тут, со своей мечтой и неверием в то, что ты есть, уже состарился и мои волосы превратились в седину, а силы покинули меня. Куда мне мечтать?

– Не плач, мой брат, – ответила чайка, – хочешь? Мы полетим вместе! Я ведь принёс тебе веру, когда-то утраченную.

– Но, разве я не стар? Разве мысли мои не переполнены молениями о смерти?

– Нельзя совершать последнюю эту молитву. Нельзя о смерти. Иначе мы не сможем летать.

– Разве я не выбрал в те годы этот тихий берег у моря, чтобы бежать смуты городов?

– А разве можно выбирать между смутой и безвестностью? Один из нас облетел пол мира, видел далёкие страны, сражался за себя и за других, за право летать высоко в небесах. А другой так и просидел в этой конуре, слушая шум волн и глядя в горизонт, зная, что на самом деле оттуда ничего не явится.

– Зачем же я тут сидел, чайка?

– Это знаешь только ты. Я уже не могу знать. Ведь ты, когда-то, отпустил меня. И я улетел. А ты остался. Если бы ты был со мной, то я бы дал тебе ответы на все вопросы. А так, я могу поведать тебе, старик, о далёких землях и дальних морях, о людях и птицах... Но, я ничего не знаю про тебя. Да и сам ты, дашь ли ответ себе про себя?

– Я не знаю, чайка, – ответил старик, – ты, который умел летать, находил ответы на все вопросы. А я мог только созерцать пустой горизонт и спрашивать у пустоты о смысле моего сидения здесь, на этом берегу...

– Что видишь ты вокруг сейчас? – спросила чайка.

– Ничего... – ответил старик.

– Почему ты ушёл из городов?

– Я устал слушать разговоры ни о чём... Я устал видеть тех, кто никогда не понимает того, о чём говорит и всегда радуется горю других людей. Я устал видеть ненависть именуемую высокими титулами, жестокость, называемую справедливостью, ханжество под маской целомудрия и веры...

– И что ты нашёл здесь?

– Покой... Тут я нашёл покой...

– Спрятался от всех и прекратил создавать собственный мир...

– Но если он станет таким как прежний, то зачем он нужен?

Чайка взмахнула крылом и села старику на плечо.

– Ты отчаялся, старик. Пока мы летали, даже во сне, ты был огоньком для других, которые так не хотели видеть вокруг мерзость под маской благородства, клеймящую мерзостью все вокруг. Но едва я был отпущен тобой, как у меня выросли крылья. Но я – так же могу только созерцать с небес весь этот мир. Отпустив мечту ты остался в пустоте, даже прекрасной. И кошмары наполняют твоё сознание, занимая моё место. Только с первыми лучами солнца я могу вернуться, чтобы напомнить о себе. Если, конечно, буду пролетать мимо.

Ты ведь знаешь, что каждый видит то, что хочет видеть и только то, чем есть он сам... Я видел прекрасные страны и лазуревые моря, благородных людей, чьи сердца полны отваги и чьи души переполнены порывами великой страсти к созиданию. А ты так и остался с безобразными, мерзкими существами, копошащимися под лучами зловещего солнца, ползущими по головам друг друга, втаптывающими друг друга в грязь, с одной единственной целью: сожрать сердца и мозг ближнего...

Солнце опускалось за пустой горизонт, а на море не было видно ни единого корабля. Штиль переполнял и воздух, и мысли, и старика... Чайка ещё раз взмахнула крылом и поднялась высоко-высоко, прощаясь со своим братом-близнецом. Может быть она к тебе ещё вернётся? Может быть...

Несостоявшийся Песах

Прошло 80 лет после того, как Моше Рабейну призывал народ свой уйти из Земли Египетской, подальше от гнёта и тирании фараона. Уже сорок лет как почил он в земле, и малая часть иудеев отстаивала своё право на Землю Кнаан. Но не все послушали Моше Рабейну, не желая покидать свои дома в Египте.

– Эта наша родина! – кричали они ему, бросая камни вслед пророку и уходящим с ним евреям.

– Вон отсюда, мерзавцы! Вон отсюда, предатели Египта! – кричали и плевались.

– Позор вам, рабы Мелхеседека! Он вас купил! – и в ход шло дубьё и улюлюкание толпы...

Прошло 80 лет...

Малая доля иудеев всё ещё не вступила в Кнаан, а те кто оставался в Египте продолжали влачить своё жалкое существование. Но потом случился в Фивах большой базар!

Нет, базар не значит большая торговля, а на большом фиванском базаре собрались все кому не лень, во главе с наследником фараона и начали вопить, что мол «Египет это Африка!», прыгать, потому что в Африке все прыгают и кричать, что «Кто не скачит тот мадианец!». Евреи тоже прыгали. Потому что новый фараон, Тутанхамон, объявил политику либерализации и с удивлением все узнали, что главный враг Египта не евреи, а жители севера Египта, в частности тех районов, которые близки к Стране Мадьян. Они не хотели прыгать. Они читали свитки папируса, добывали руду и ковали мечи, орала и им некогда было прыгать. А ещё строили пирамиды, храмы, дворцы, в том числе и для прыгающих фиванцев.

Фиванцы с ужасом для себя увидели прыгающих евреев. С ещё большим ужасом узрели участники фиванского большого базара, как на бочку вылезает то один еврейский старейшина, Йосиф Серебрянная Борода, потом другой, Игаль Портняжка... Потом третий, тоже Игаль, но Рядом Моющий... Со скрежетом на сердце и на зубах они не хотели верить, что евреи не пьют кровь египетских младенцев, не мечтают поработить египтян на пару с ливийцами, но теперь, поскольку фараон и его писцы сказали, что евреи это египтяне, при встрече с евреями египетские патриоты первыми спешили раскланяться со всеми «шалом» и «шаббат шалом», если был день субботний...

Смотрел Вс-ышний на прыгающих евреев и решил поднять Моше Рабейну из безвестной могилы и отправить обратно в Египет, чтобы он посмотрел на весь этот бардак, потому что Моше сожалел об оставленной в Египте части народа...

Моше пришёл в Египет как обычный нищий странник и проповедник, встретился с еврейскими старейшинами.

– Зачем вы это делаете? – спросил Моше, – разве дозволено иудею предаваться языческим пляскам и камланиям?

– Молчи, враг! – закричали старейшины, – Египет это Африка! В Африке все прыгают!

– Но вы же евреи! Ведь мы имеем свою веру, свои обычаи, у нас свой народ, который идёт от мудрого и праведного Авраама!

– Праотец Авраам тоже прыгал бы с нами, потому что мы египтяне! – закричали в ответ старейшины, а старейшина Йосиф Серебрянная Борода начал рассказывать, что египетский и еврейский народ объединяет многовековая дружба, что евреи служили надсмотрщиками у фараона, чем должны очень гордиться.

– Служили, – ответил Моше, – они убивали евреев и пытали их, убивали первенцев и будут навеки прокляты!

– Молчи, несчастный! Они герои! – завопил Йосиф, – мы гордимся ими!

- Но вы же не египтяне! Проснитесь! Б-г нам даровал прекрасную землю...
- Наши дома тут! Значит мы египтяне! Евреи – часть египетского народа!
- Кто вам это сказал? – спросил Моше.

Старейшина Игаль Рядом Моющий, скромно пряча золотые перстни в длинные рукава и кутая в халат рубины и бриллианты ожерелий, всё таки нервно начал ронять на пол золотые монеты...

- Это не моё... я не воровал... ну я сказал, а что?
- Ты? – возмутился Моше, – ты с фараоном вступил в сговор...
- Не в сговор! Я пекусь о своём народе. – ответил Игаль Рядом Моющий.
- Оно и заметно, – покачал головой Моше.

Он вышел на улицу и увидел нищих, бедных, голодных евреев.

– Чего вы тут стоите? – спросил он, – ваши братья в Стране Маданской готовятся вступать в Кнаан! Чего вы ждёте тут?

- Наша земля тут, наша родина тут... – ответили евреи.
- Но ведь тут египтяне убивали ваших отцов, дедов! – чуть не закричал Моше.
- Это всё неправда, – сказали евреи, – они не убивали... Мы вместе строили Египет... Многие евреи служили надсмотрщиками у фараона...
- Кто вам это сказал?
- Это факт!

Моше увидел рисунок посоха египетского бога Осириса, навершие которого было украшено изображением меноры...

- Что это? – с удивлением спросил он у евреев.
- Ну как что? Это наш символ! Наша святыня! Именно так она должна выглядеть... ведь евреи это часть великого египетского народа...

Моше развернулся и ушёл обратно в пустыню, в Мадан, где малая часть еврейских воинов, отчасти безоружных, среди которых большая доля была женщин, подростков и стариков, помнящих муки и казни учиняемые египтянами, готовилась отражать очередную атаку египетских полчищ...

Рабы... Что такое рабы? Раб – не обязательно почерневший от солнца человек в кандалах... Раб не в кандалах. Раб – в сердцах, в душе, в разуме и сознании... часто увешанный золотом и дорогими нарядами. А часто – святой верой в то, что окружающее его и есть его истинная свобода...

Нужный эффект

(революциям 21-го столетия – посвящается)

– О Боже, – надрывалась в углу, в слезах, перепуганная женщина, казалось не обращая внимания на других людей, забарикадировавшихся тут же, на самом вершине этой башни.

– Они все превратились... они превратились...

– Успокойся, – склонился над ней парень в окровавленной рубашке, – что произошло? Это просто чудо, что ты смогла добраться до нас...

– Мои дети... мой муж... они превратились в этих чудовищ... – плакала женщина.

– Тебе нужно выпить и отдохнуть. Тут тебе ничего не угрожает...

Он протянул ей пластиковую бутылку с минеральной водой.

– Выпей... больше ничего нет... Ты увидела наш сигнал?

– Даже в таком состоянии я поняла, что тут люди... Это вы сигналили прожектором?

– Да... То есть... не я лично... Роджер...

– Кто такой Роджер?

Люк сверху открылся. Женщина вздрогнула.

– Тише, тише... – успокоил её парень, – это и есть наш Роджер.

Роджеру было от силы десять лет. Рыжеволосый, кудрявый мальчик спрыгнул с лестницы, перед тем задрав люк.

– Вокруг полный кошмар, – сказал мальчик, – они стреляют... по нам.

– Да они палят по нам не просто так, – отошёл от окошка военный, – что там ещё видно?

– Там всё в каком-то красном дыму...

– С него всё и началось...

– Что же нам делать? Нам надо как-то выбираться отсюда? – успокоилась женщина.

– Не сейчас. Может с утра. – закурил военный.

– Что там в мире творится? – спросил он у девушки за столом, которая всё это время не отрывалась от ноутбука.

– Интернет есть. Но страницы не обновляются, – ответила девушка, – точнее обновляются, но я ни черта не могу понять из того что пишут. Какие-то наборы букв. символов. Я ничего не могу разобрать.

Роджер подошёл к ноутбуку и долго вглядывался в экран.

– А что в сетях?

– А ничего в сетях. Судя по всему эта зараза распространяется повсеместно. Но думаю, что с твоими родными всё в порядке.

– Не ври мне, – пробормотал мальчик и сел на сломанный диван.

– Есть ещё кое что, люди! Я получила сообщение от своего друга с лодочной станции, в сотне метров от нас! – восторженно вскрикнула Кэт, – он, и ещё десяток людей, забаррикадировались там. У них есть еда и оружие!

– Соберитесь все, – сказал военный и подошёл к окошку, – утром прорываемся на лодочную станцию. И что это за чёртовый дым? Откуда он взялся? Из-за него ничего не вижу...

Вокруг возились живые мертвецы. Они, переваливаясь, ходили от машины к машине, держа в руках оружие, что-то рычали друг другу, бросались друг на друга с рычанием... Их глаза были мертвы. Даже сквозь дым военный это видел. Яркий свет прожекторов освещал площадь перед башней...

– Больше не ходи туда, Роджер, – сказал мальчику военный, – если где-то поблизости и остались живые, то вряд-ли они прорвутся сюда через этих зомби.

– Я понимаю, – сказал в ответ мальчик и отвернувшись заплакал.

– Давайте хоть познакомимся? – предложил парень, – я Томас, студент. Мы были на вечеринке, когда всё случилось. Знаете, как-то ужасно вспоминать, как все превратились в чудовищ. Мои друзья, моя любимая девушка... Я не помню как появился этот дым. Я ничего не пил, только эту минералку. Наверное то что я был трезв меня и спасло. Будь я пьян, я бы не сообразил, что нужно уносить ноги...

– Сержант Фредди Гомес, – прохрипел военный, – когда появился дым я ехал домой. Приехал. Но то что увидел... Я убил свою жену... своего сына... И приехал сюда, потому что эту башню видел издалека. Мой дом неподалёку, но меня ни кто не ждёт.

– Кэтрин... Просто Кэтрин, – отвлеклась девушка от ноутбука, – это уже не важно. Я учительница этого рыжего мальчика. Днём мы остались вдвоём после уроков. Все дети разошлись, а Роджер остался один на продлёнке и я решила... я понимаю, что это противозаконно, послать его за водой. Он принёс... он вовремя успел. Я не представляю что было бы если бы он задержался бы на улице, хотя бы на пять минут дольше...

– Вы уже всё знаете, – буркнул мальчик с дивана, выбросив пустой инголятор, – спасибо что есть Кэтрин...

– Можно ничего не говорить, кроме того, что меня зовут Дорти, – сказала женщина, – я не хочу ничего вспоминать...

...все молчали. Молчали и слушали рёв доносящийся снаружи. Тишины не было до самого утра.

...утром все спустились к выходу.

– Ты и Роджер, – сказал военный Кэтрин, – выбегаете сразу следом за мной. Ваша задача добраться живыми до леска. Там садитесь на лодку и не ждите нас. Ты, студент, берёшь её, – указал военный на женщину, – и делаете то же самое, едва они спрячутся в лесу. Судя по всему стрелять тут умею только я? Встречаемся на лодочной станции.

Он выскочил из башни и сделав два выстрела в зомби крикнул своим спутникам:

– Давайте!

Мальчик и девушка выбежали из двери и бросились к лесу. Кэтрин не успела пробежать и пяти метров. Её голова разлетелась от выстрела снайпера.

– Кэт! – закричал Роджер, но тут же упал рядом с ней, схватившись за грудь. Следующий выстрел, из гранатомёта, снёс и военного, и парня, и женщину, и башню... Не стало ничего. Только огонь и красноватый дым...

...красноватый дым рассеялся. Словно призраки из тумана возле трупов появились человеческие фигуры.

– Можно снять маски, сэр, – послышался голос по рации, – уровень опасности – нулевой.

– Снять маски, – приказал офицер.

– Унесите трупы заражённых...

Он подошёл к телам Роджера и Кэт и хотел коснуться убитого мальчика...

– Сожалею сэр, но Вам не стоит этого делать, – остановил его человек в штатском.

– Она до последнего его спасала... – еле сдерживал слёзы офицер, – вы довольны испытаниями?

– Кто этот мальчик? – помедлив с ответом, спросил человек в штатском.

– Это мой сын... Роджер... мой сын... Что он чувствовал?

– Ничего. Они даже не заметили то, что превратились в зомби. Они продолжали считать себя людьми, видя людьми только себя... Спасали друг друга...

– То есть?

– Газ «Циклон» D4FTR6 вызывает сильнейшие галлюцинации у... у поражённых. Им кажется, что все вокруг превращаются в чудовищ. Поражённые не теряют основных человеческих функций, навыков... Газ поражает противника так, чтобы противник осознал свои действия против воображаемых врагов, мог бы пользоваться оружием... При поражении возникает агрессивность...

– Понимаю, – прервал его офицер, – чтобы противник уничтожал себя сам...

– Да сэр...

– Ну? И почему у них не было агрессии? Почему они не нападали на людей, а только спасали друг друга?

– Это не те люди... Точнее, они находились не в тех условиях. Не в боевых условиях, сэр...

– А если бы этот газ распылился в толпе, а не в обеденный перерыв?

– Тогда был бы нужный эффект...

– Эффект получился тот что нужен, доктор, – ответил офицер, – он поразил и Вас, и меня, и этих солдат, и весь город... А у моего сына была астма...

Это сказания дней...

- Мамоchка смотри! Там новая звёздочка!
- Ну почему же новая, сыночек?
- Её вчера там не было... Она такая... такая яркая... такая красивая... Она отличается от других, правда?
- Правда, сыночек, правда, – не глядя в небо ответила мама.
- Но ты же не смотришь на неё!
- Я смотрю, сыночек, смотрю.
- А вот и не смотришь!

Мальчик вздохнул и снова, словно нырнул, в звёздное небо.

Небо было усыпано множеством сияющих горошин. Одни были меньше. Другие больше. Выстраивались в фигуры, которые мальчик мысленно соединял такими же светлыми, сияющими линиями.

- А почему звёзды называли по именам? – не отставал от мамы мальчик.
- Кто-то решил их назвать...
- А зачем? А почему созвездия называют именно так...
- Я не знаю...

Мальчик послушал тишину.

- Мама, а почему птицы не поют?
- Наверное уже поздно... И тебе пора спать... Идём в дом?
- Хорошо. Только я буду смотреть в окошко.
- Будешь смотреть в окошко, – ответила мама и повела неугомонного сынишку в дом.

Небо сияло звёздами. А одна, совсем яркая, совсем большая, смотрела мальчику вслед...

– Жизнь, её смысл, он в том, чтобы получать радость от жизни. Нужно радоваться каждому её мигу, – говорил мальчик незнакомому, новому учителю, который появился сегодня утром в школе.

Мальчик вспоминал ночное небо и старался представлять ту самую звезду, что показалась ему самой большой на небосводе. Он представлял, что всё говорит ей. Так его учила мама. «Когда хочешь сказать что-то важное, но боишься, представь чтонибудь, или кого-нибудь, кто тебе дорог и кому ты мог бы открыться. И тогда ты не будешь бояться». Мальчик боялся незнакомого человека. И продолжал думать о той звезде.

– Все живые существа призваны дарить радость друг другу и дарят её. Птицы дарят радость людям своими песнями, люди – друг другу добрыми делами, а звери... – мальчик задумался на миг, – и звери, они добрые, ласковые. Зайчонок, например, или котёнок... Они ведь, правда, смешные?

Учитель дал мальчику договорить и кивнул, когда тот закончил свою речь.

– А ты философ, Квинт Сестерций. Я не думаю, что многие великие мужи прошлого согласились бы с тобой.

– Я... я только сказал... – опустил глаза мальчик.

– Не оправдывайся, – поднял вверх указательный палец учитель, – ты достойно говорил и многие позавидовали бы тебе. Ты своеобразен в своих мыслях и поэтому я назвал тебя философом. Как ты думаешь, почему многие бы не согласились с тобой?

– Я не знаю... – ответил мальчик, – наверное потому что я не прав?

– Ты не прав, но ты и прав одновременно, – сказал учитель, – и как тебе кажется, чем я тебе могу возразить?

Мальчик молча смотрел на учителя. Он, кажется, забыл, что его сейчас слушали более трёх десятков ровесников и целая комиссия. Шёл экзамен по философии. Сейчас решалась его судьба, решался вопрос кем он будет. Будет ли он учиться дальше, или займёт своё место рядом с мамой и в будущем... Плотники, уборщики, подмастерья у кузнецов нужны всегда.

– Не понимаешь? – строго спросил учитель.

– Нет... – ответил мальчик. Его душа ушла в пятки. Он по настоящему испугался и крепко сжал свиток исписанный его детскими каракулями. Три года он в него старательно записывал все свои мысли и наблюдения. И про сегодняшнюю ночную звезду тоже...

– Я тебе поясню, Квинт Сестерций, – сказал учитель, – жизнь – это война. Жизнь – невидимая война, которая протекает незримо между разными формами и видами жизни. Даже внутри тебя, чтобы ты мог жить, одна живая форма поглощает другую. Свет воюет против тьмы, чтобы день сменялся ночью. И наоборот. Суша борется против океана, а вода противостоит наступлению суши. Звёзды...

– Звёзды?

– Да... Знаешь ли ты, что Космос это истинная драма борьбы за жизнь... И к сожалению жизнь, пока что, проигрывает смерти.

– Но ведь если проигрывать страху перед неизведанным, то стоит ли жить? – отрезал несмело мальчик.

Учитель исподлобья глянул на Квинта.

– А ты настойчив, маленький философ. Ладно. Я, как старейшина этой гильдии учёных, признаю, что ты прошёл экзамен.

– Я... я могу учиться дальше?

– Тебе больше нет смысла учиться философии, – сказал учитель, – ты только что поставил меня в тупик своим вопросом. И я не знаю что тебе ответить.

– Она сегодня больше, мама! – восхищался Квинт своей звёздочкой.

– Да? Я даже не обратила внимание, – не отрывалась от вышивания мама.

– Но мама! Разве ты никогда не смотришь на небо? – удивился Квинт.

– А зачем смотреть вверх, когда можно просто глянуть себе в сердце?

– А как это, глянуть в сердце? – не понял слов мамы мальчик.

– Если ты глубже глянешь в себя, то будет ли смысл смотреть на небо?

Мальчик опустил глаза...

– Но там ведь так прекрасно... там звёзды... Они сияют и радуют моё сердце... А значит моё сердце, и звёзды, как-то связаны между собой?

– Не говори глупостей, – сказала мама, – звёзды часто несут смерть. И как ты можешь быть связан с тем, что даже никогда не видел? Ты можешь по настоящему чувствовать только то, что рядом с тобой.

– А звёзды?

– А звёзды далеко. Они убили твоего папу. И я не позволю, чтобы ты приблизился к ним. И они никогда не приблизятся к нам...

– Правда?

– Правда.

– А если приблизятся?

– Такого никогда не будет. И тебе, и твоим детям, и внукам, останется только любоваться звёздами. И твоей маленькой звёздочкой. Шёл бы ты спать?

– Но я не хочу спать, мама!

- Но уже пора...
- А почему мне опять птицы не поют? Мне так нравились песни соловья в нашем саду...
- Он уже спит. И тебе пора... – ответила мама.

– С первым днём в нашем лектории, – кивнул, встретив у входа в огромное светлое здание, Квинта, учитель.

Квинт, ещё недавно мог любоваться этим белым домом, с колоннами, огромным залом внутри, только со стороны. Сюда отбирали один раз в десять лет только лучших учеников школы этого города.

– Для меня большая честь..., – начал было Квинт, но учитель остановил его.

– Не стоит напрягаться. Запомни, Квинт, экзамен идёт даже тогда, когда тебе кажется, что он окончен. Мне ты можешь доверять, потому что именно я твой новый учитель. И я всегда буду рядом. Даже когда меня рядом нет физически. Но остальные учителя, ученики, и даже собака, что охраняет площадь за этим домом, продолжают испытывать тебя. Всем интересно как ты себя будешь вести, что говорить, что делать. Да и нет-нет, но зададут тебе, завуалировано, вопрос, что, мол ты тут забыл. Меньше говори. Особенно тогда, когда можно смолчать.

– Я понял, – кивнул Квинт, – а задавать вопросы можно?

– Всегда, – ответил учитель.

– А вы часто смотрите на звёздное небо? – спросил Квинт.

– И что же тебя так заинтересовало на звёздном небе?

– Ну сейчас, когда мы не можем это увидеть, но...

– Но ночью её хорошо видно?

– Верно..., – шепнул Квинт.

– Тебе не захотелось спросить как я догадался о чём ты говоришь? – усмехнулся учитель.

– Это было бы глупо, учитель. Всем известно, что планета обращается вокруг своей оси и днём мы повёрнуты к Солнцу.

– Да... глупо... – сказал учитель, – идём со мной. Я покажу тебе кое что.

Небольшой серебристый челнок, в котором мог разместиться один человек, стоял в ангаре, посреди той самой площади, которая находилась за белым зданием лектория.

Челнок больше напоминал две тарелки, одна из которых накрывала другую. Казалось он не имел ни входа, ни выхода.

Учитель коснулся экрана на поверхности челнока и нажал красную кнопку рядом.

– Теперь ты приложи руку, – сказал он Квинту.

Квинт послушно положил ладонь на экран.

– Ну вот, теперь модель Э. Н. К.И., энергетический нейрокибернетический индивидуализатор, тебя знает. Пока на панель не приложит руку кто-то другой. Ты можешь им пользоваться, когда я тебе разрешу.

– А что это? – спросил мальчик.

– Это новейшая разработка наших учёных, – ответил учитель, – можно сказать, что последняя. При помощи неё ты можешь за считанные мгновения перенестись в любую точку Вселенной. Главное не знать координаты, а знать генетический материал, который ты намереваешься отследить. Но... как бы тебе выразиться? Ты будешь отслеживать материал не только в пространстве, но и во времени.

– Это машина времени? – удивился мальчик.

– Да, – сказал учитель.

– Но ведь путешествия во времени...

– Невозможны?

– Да, невозможны!

– Ну как сказать? Время материально, так же как и мы с тобой, и оно существует в пространстве, тесно переплетаясь с ним. Если вызвать искривление пространства до нужной степени, то кто знает куда, а точнее – когда, ты попадёшь. Важнее контролировать свои перемещения. До некоторых пор это было невозможно. Но мы решили эту проблему.

– Интересно, – посмотрел на машину времени Квинт, – а я могу посмотреть что будет в будущем? Ну, в смысле, кем будут мои потомки?

– Думаю да, – кивнул учитель, – пусть это будет тебе мой подарок к поступлению в лекторий.

– Спасибо, – ответил мальчик.

Он залез внутрь челнока, пристегнулся к креслу и глянул на сенсорный экран, где отображались цифры и символы.

– Если вдруг ты почувствуешь, что в опасности, – сказал учитель, – вот тебе красный сенсорный модуль?

– Да, – кивнул Квинт, – но он же не красный?

– Это название, – учитель повесил на шею мальчику прямоугольный аппарат.

– Нажмёшь на красную кнопку. Машина переместится в доступное для полёта безопасное место. Чтобы вернуться назад – жми зелёную. Окажешься снова в машине. Если ты потеряешь модуль, то навсегда останешься в гостях у своих потомков.

– Я понял, учитель, – сказал Квинт.

– Ну? И какой промежуток времени в будущем мы берём? – спросил учитель.

– Давайте... семь тысяч лет вперёд! – улыбнулся Квинт.

– Ну хорошо... семь тысяч лет, так семь тысяч лет, – набрал учитель координаты на машине, – генетический материал это ты сам. Передавай привет потомкам, а по прибытию назад не забудь доложить обо всём. И кстати, ты первый пилот этой машины.

– То есть... до меня никто..? – испугался было Квинт, но потом подумал. что не стоит высказывать своего страха...

Поехали... В начале всё было белое, даже слепящее, но мальчик зажмурил глаза и открыл их через пару минут. Он стоял к какому-то длинном коридоре, где все спешили и удивлённо смотрели на мальчика.

– Ого..., – словно выдохнул Квинт, – получилось.

Он пошёл по коридору и рассматривал странно одетых людей.

– Малыш, ты заблудился? – услышал Квинт позади себя.

– Я? – Квинт даже удивился, что понимает людей, а человек понял его. Очевидно, учитель что-то забыл сказать Квинту.

– Я – нет, – ответил мальчик незнакомцу.

– Что это за комбинезон на тебе? Ты в Фаллоут играешь? – спросил незнакомец.

– Во что?

– Понятно. Ты что тут делаешь? У тебя есть приглашение?

– Да..., – растерялся Квинт, – дело в том, что мой... учитель...

– А, так ты на лекцию профессора Ковальского?

Квинт не знал что отвечать и только радостно кивнул...

Его провели в огромный, полутёмный зал, битком набитый людьми разного возраста. Потолок напоминал сферу, как в школе где учился Квинт, только весь был усыпан светящи-

мися звёздами. Посреди зала кружился какой-то незнакомый аппарат. Квинт понял, что это он создаёт видимость звёзд, что звёзды не настоящие, а всего лишь проекция.

А рядом с аппаратом стоял человек, увидев которого Квинт вздрогнул сердцем. Он был похож на отца Квинта, давным давно... Отец Квинта был лучшим пилотом на космодроме родного города... но с тех пор как он не вернулся из последнего полёта мама больше никогда не смотрела на небо...

Квинт понял. Этот человек и есть его потомок, к которому перенесла его машина времени...

– «Пояс астероидов, – говорил человек, – область Солнечной системы, расположенная между орбитами Марса и Юпитера, являющаяся местом скопления множества объектов всевозможных размеров, преимущественно неправильной формы, называемых астероидами или малыми планетами.

Эту область также часто называют главным поясом астероидов или просто главным поясом, подчёркивая тем самым её отличие от других подобных областей скопления малых планет, таких как пояс Койпера за орбитой Нептуна, а также скопления объектов рассеянного диска и облака Оорта.

Выражение «пояс астероидов» вошло в обиход в начале 1850-х годов. Первое употребление этого термина связывают с именем Александра фон Гумбольдта и его книгой «*Kosmos – Entwurf einer physischen Weltbeschreibung*».

Суммарная масса главного пояса равна примерно 4% массы Луны, больше половины её сосредоточено в четырёх крупнейших объектах: Церера, Веста, Паллада и Гигея. Их средний диаметр составляет более 400 км, а самый крупный из них, Церера, единственная в главном поясе карликовая планета, имеет диаметр более 950 км и её масса вдвое превышает суммарную массу Паллады и Весты. Но большинство астероидов, которых насчитывается несколько миллионов, значительно меньше, вплоть до нескольких десятков метров. При этом астероиды настолько сильно рассеяны в данной области космического пространства, что ни один космический аппарат, пролетавший через эту область, не был повреждён ими. Причина такого состава пояса астероидов в том, что он начал формироваться непосредственно вблизи Юпитера, чьё гравитационное поле постоянно вносило серьёзные возмущения в орбиты планетезималей. Получаемый от Юпитера избыток орбитальной энергии приводил к более жёстким столкновениям этих тел между собой, что препятствовало их слипанию в протопланету и её дальнейшему укрупнению. В результате большинство планетезималей оказались раздробленными на многочисленные мелкие фрагменты, большая часть из которых либо была выброшена за пределы Солнечной системы, чем объясняется низкая плотность пояса астероидов, либо перешла на вытянутые орбиты, по которым они, попадая во внутреннюю область Солнечной системы, сталкивались с планетами земной группы; этот феномен получил название поздней тяжёлой бомбардировки. Столкновения между астероидами случались и после этого периода...»

Пояс астероидов? Это было что-то новое и неизвестное. Квинт понял, что только что сделал потрясающее открытие, что в будущем потомки откроют множество новых небесных тел и какая-то из известных ему, и его современникам планет погибнет. Потомок, которого называли профессор Ковальский, рассказывал о событиях, которым ещё предстояло произойти.

Мальчик решил дождаться конца лекции.

Он удобно примостился в жёстком кресле, на самом верху этого зала, и с интересом слушал своего потомка...

...наконец зал опустел. Профессор остался один. Включился свет. Профессор собирал какие-то бумаги. Мальчик спустился к нему и вдруг понял, что не может подобрать слов. Он, как ему показалось, вместо привычного приветствия только глупо улыбнулся.

Профессор посмотрел на Квинта.

– Я вас слушаю, молодой человек?

– Спасибо за лекцию... – ответил ему Квинт.

– Было очень приятно поделиться своими знаниями с молодым поколением, будущими астрономами, – сказал ему профессор.

– Я могу... я могу задать несколько дополнительных вопросов? – спросил Квинт.

– Пожалуйста, – оторвался от бумаг профессор и посмотрел на Квинта улыбаясь.

– Вы похожи на моего папу, – сказал Квинт...

– Ну... – рассмеялся профессор, – я уже сказал твоей маме, что ни цента вы от меня не получите. Всё, до свидания...

– Нет, вы не поняли! – чуть не вскричал Квинт, – вы приняли за кого-то другого!

– Да ну, – присел профессор.

– Да... я хотел спросить... А какая именно планета была той протопланетой... которая...

– Которая развалится на кольцо астероидов? – уточнил профессор.

– Да... – кивнул Квинт.

– Сложно сказать, – сказал профессор, – и всё-таки я могу тоже задать вопрос?

– Угу...

– Как тебя зовут?

– Квинт Сестерций.

– Странное имя... Квинт Сестерций... – ответил профессор, – может, всё-таки, Квентин?

– Я не знаю... Я действительно был рад повидаться с вами, – сказал мальчик, и мне просто было интересно узнать какая планета будет... точнее...

– Будет? – улыбнулся профессор, – а что это у тебя на шее за непонятный модуль с мигающими лампочками? – протянул профессор руку к Квинту.

– Нет! Не надо! Я ещё не всё спросил!

Профессор нажал на зелёную кнопку. Яркая вспышка на мгновение ослепила его, а порыв ветра, непонятно откуда возникший, смёл со стола все бумаги...

Квинт снова оказался в челноке. Он открыл люк и увидел учителя.

– С возвращением, – улыбнулся учитель, – видел будущее?

– Да, – вышел к нему Квинт, – оно... такое... странное... Мой потомок всем рассказывал про какой-то пояс астероидов. О том, что какая-то планета погибнет и рассыпется на множество малых планет.

– Не думаю, что нам что-то грозит в ближайшее время. Формирующаяся за нами планета будет очень огромной. Скорее всего она развалится. Космические тела такого размера, такие гиганты просто невозможны.

– А нам точно ничего не угрожает?

Учитель кивнул.

– Я думаю тебе надо отдохнуть, Квинт. Ты ведь первенец среди путешественников во времени.

Этой ночью звезда была как никогда яркая и огромная. Она становилась всё ярче, ярче... наконец поднялся сильный ветер и гул разрезал пространство.

Мальчик подскочил и бросился в дом, но вдруг подумал, что это не спасёт, а убьёт его, если дом начнёт рушиться. Он выбежал на улицу, где уже кричали люди, показывали в небо,

а ветер сбивал с ног... И воздух внезапно стал горячим и обжигал лицо, лез под комбинезон, и ничего невозможно было поделать.

Огромная стрела пронзила горизонт и огромный взрыв вырос выше неба. Тёмные тучи, перемешанные с огнём, медленно приближались к городу. Резко наступила ночь...

– Они решились на атаку! Все в укрытие! – кричал кто-то кому-то.

Взвыла сирена, но на неё ни кто не обращал внимания.

Квинт бросился со всех ног в лекторий...

Едва вбежав он увидел учителя.

– Скорее, мой мальчик, скорее сюда!

– Что случилось, учитель?

– Ануннаки решились нас атаковать! – произнёс учитель, – Тиамат обречена. Мардук решил использовать запрещённое оружие... Пояс астероидов, о котором говорил тебе твой потомок – это мы!

– Но как такое может быть? Ведь если мы погибли, то...

– Мы все – погибли. Именно поэтому нам не удавались путешествия во времени. Потому что у нас нет будущего. Но оно есть у тебя, и поэтому у тебя всё получилось. И я не дам умереть тебе. Бежим, у нас мало времени...

– Передай это своему потомку, а потом жми красную кнопку, – сказал учитель, сунул мальчику в руки небольшую коробку и закрыл люк...

...челнок взмыл вверх и остановился. Квинт видел, как Тиамат медленно накрывалась пламенем и огромные осколки, которым не было числа, разлетались на куски. Один из них, на котором Квинт увидел свой дом, приближался к челноку зависшему на орбите. Мальчик нажал зелёную кнопку...

– Что это, чёрт побери, было? – спросил профессор, так же внезапно появившегося, как и только что исчезнувшего, Квинта.

– Вам этого не понять, профессор, – ответил Квинт, – точнее, вы понять – поймёте, но своим разумом вы, очевидно, ещё не достигли того, чего достигли мы.

– Вы? – рассмеялся профессор, – малыш, иди к маме?

– Я не могу... – ответил Квинт, – она погибла семь тысяч лет назад, в той самой катастрофе о которой вы только что рассказывали людям.

– Что? – совсем стало весело профессору, – да... Мне кажется я понимаю, что на тебе за комбинезон!

– Нет, – сказал Квинт, – это вам. Откройте.

Он поставил перед профессором коробку, которую дал ему учитель.

– Что? – профессору вдруг стало не до смеха.

– Да. Это диск, – сказал Квинт, – пока я сюда летел, я успел посмотреть на компьютере своего челнока содержимое диска. И даже скопировал. Там собраны все наши знания, которых вам не хватает... Мы научились многому. Мы полетели на далёкие звёзды. Мы достигли высоких технологий. Но нас погубило не столкновение с неизвестным космическим телом, а банальная война... Мою планету, Тиамат, уничтожила баллистическая ракета выпущенная мятежниками, ануннаками, сынами неба, как они себя называли. Миллиарды людей были убиты по приказу их сумасшедшего лидера. Я остался один... Но мы победили время и умеем перемещаться в разные эпохи. Не думаю, что я это сделал один. Но сделал это я благодаря вам, профессор.

– Почему? – не понял профессор.

– Видите ли, перемещение во времени возможно только родственных молекул ДНК к родственным молекулам ДНК.

– То есть... – профессор замолчал.

– Я ваш далёкий предок, а вы – мой потомок, – сказал мальчик.

– И куда же ты теперь? Ведь твоя планета погибла. Ты один во Вселенной!

– Я сейчас должен уйти, чтобы родились Вы. И ещё множество других людей. Миллионы людей. Целые народы вашей планеты... Глупо, но в первый раз я не понял что нахожусь на другой планете... Наша была прекраснее...

– Может останешься? Ты знаешь сколько у меня вопросов? – спросил профессор.

– Знаю... Не нужно их задавать. Тебе интересно кто были мои родители? Они были учёные. Посмотри на себя. И ты увидишь их. Посмотри в глубь своего сердца, и ты услышишь их голос. Он всегда звучит в людях. Глубоко, и поэтому его не хотят слышать. Как и меня порой не хотят даже видеть, а я ведь тут, совсем рядом...

– Мне кажется, что ты не сразу вернулся ко мне, – покачал головой профессор, – и тебя теперь зовут не Квинт.

– Да, – отрезал мальчик, – я провёл на обломках своей планеты семь долгих дней. Там было ужасно. Семь дней я перевозил сюда, на вашу планету тех кого можно было спасти. Знаешь, я спасал раненых животных, росточки деревьев, семена растений, я спасал даже рыбок... Но нашёл только двух людей. Правда перевёз я их не сюда, а на нашу биологическую экспериментальную станцию, она когда-то была рядом с этой планетой... Они ранены и очень напуганы. А по вашей планете лезут жуткие дикари. Найденные мной мальчик и девочка сейчас нуждаются во мне и я должен вернуться к ним... Теперь они мои дети...

– Да уж... Надо вернуться... Потому что они тебе скоро начудят! – усмехнулся профессор, – ну и как же тебя зовут сейчас? Ведь у тебя сейчас много имён!

– А? – не понял мальчик, – почему много? Позывной моего челнока Э. Н. К.И., Энергетический нейрокибернетический индивидуализатор. Ну и я так себя теперь называю. Хотя те ребята называли меня Эя. По вашему это означает «спасатель».

– Спаситель, а не спасатель. Так вот кто ты..? – вздохнул профессор.

– Не понял... К чему улыбка?

– А ты подумай, почему если ты можешь переместиться только к своему потомку, не сразу оказался возле меня, прямо посреди зала? – усмехнулся профессор.

– Правда? – удивился мальчик.

– Правда... – покачал головой профессор и улыбнулся...

Мальчик с «Титаника» (Кольцо времени)

*Светлой памяти семьи Гудвин,
погибшей во время катастрофы «Титаника»*

*There let the way appear steps unto heav'n;
All that Thou sendest me in mercy giv'n;
Angels to beckon me nearer, my God, to Thee,
Nearer, my God, to Thee, nearer to Thee!
(Там лестница наверх, к свету ведет
Страхи оставляю здесь, вся печаль сойдет.
С ангелом за руку вверх я взойду к звезде:
Ближе, Господь к Тебе,
Ближе к Тебе!)
(Сара Флауэр Адамс; 1841г.
гимн «Nearer, My God, to Thee»)*

Гарри снился очень странный сон

В этом сне он видел облака, птиц. И он летал словно птица. Потом Гарри начал очень быстро падать вниз. Всё ниже, ниже, но страха не было. Страх словно остался там, в облаках, среди синевы и радуги, сиявшей всеми своими цветами на ярком солнце.

А внизу был океан. И их огромный, важный, красивый корабль... пароход... просто большой пароход, дымил своими трубами и гроыхал своими винтами.

И Гарри быстро летел, парил над пароходом, всё ближе и ближе... Он уже был над палубой, мчался по коридорам мимо спящих стюардов и озабоченных пассажиров... А грохот был сильнее... сильнее... ещё сильнее...!!!

И Гарри проснулся, вдруг поняв, что грохот был вовсе не во сне. И именно он разбудил его...

Гарри открыл глаза. Просыпаться не хотелось. Но загоревшийся свет окончательно разбудил мальчика. Прямо на него, с полки напротив, точно так же проснувшись от грохота, смотрел Фрэнки, друг Гарри, с которым мальчик познакомился уже тогда, когда его семья села на «Титаник».

– Тебе страшно? – полушёпотом спросил Фрэнки.

– Мне да, – ответил Гарри так же полушёпотом, – а что это было?

– Я не знаю... – прошептал Фрэнки.

– Пошли посмотрим? – предложил Гарри, услышав в коридоре одиночные крики пассажиров и стюарда, который пытался кому-то что-то объяснить.

– Да спите вы уже! – с верхней полки раздался громкий крик возмущённого Уильяма, старшего брата Гарри.

Уильям не столько успокоил младших мальчиков, сколько разбудил самого старшего из братьев, Чарльза...

Гарри и боялся немного своего старшего брата, и уважал его, как младший. Да и вообще. Чарльз ничего не говорил. Он медленно и молча слез со своего места, над Фрэнки, и так же молча, только быстро, одевшись, уже из двери каюты пригрозил Гарри пальцем.

– Только выйди мне, хулиган... – и закрыл за собой дверь.

Гарри поднялся, на цыпочках подошёл к двери, приоткрыл её и проводил брата.

Потом захлопнул двери и показал Фрэнки, чтобы тот поднимался.

Мальчики бросили ночные сорочки прямо на пол и спешно одевшись, взяли за руки и... едва они подошли к двери... с верхней полки раздался крик Уильяма...

– Эй! Вы куда! Я всё... я всё папе расскажу! И твоему тоже, Фрэнки! Вам Чарльз приказал быть тут!

– Ябеда-беда! – обернулся к нему Гарри.

– Ну можно и я, хотя бы, с вами пойду? – уже не угрожающе попросил Уильям.

– Ладно уж, ябеда, – ответил ему Фрэнки, – только быстро, чтобы никто не заметил.

– Да, – кивнул Гарри, – мы быстренько сходим, быстренько вернёмся и ляжем спать. И ты никому не расскажешь.

– Болтун... – пробурчал Уильям спрыгивая вниз...

Пока Уильям одевался вошла мама Фрэнки...

– Миссис Голдсмит? – испугался Гарри, – а мы...

– Не оправдывайся, – проговорила миссис Голдсмит, – как хорошо что вы собрались...

Гарри увидел, что мама Фрэнки была чем-то взволнована. Она схватила сына за руку и повела за собой.

– Сидите тут, и никуда не ходите. Скоро за вами придут ваши папа и мама, – приказала она уже из-за двери...

Гарри глянул на Уильяма.

– Ну вот тебе и посмотрели.

Уильям сел рядом с Гарри.

– Да... а что случилось?

– Я не знаю, – ответил Гарри, – может корабль поломался?

– Может...

– А вдруг мы тонем?

– Да ну брось!

– А что?

– «Титаник» не может утонуть... нас Бог хранит! Мы же читаем молитвы каждый вечер, когда ложимся спать, чтобы проснуться утром...

– Хм... – ухмыльнулся Гарри, – а разве мы не можем просто сходить без Фрэнки?

– Ты слышал что сказала миссис Голдсмит? – строго сказал Уильям, – сейчас за нами придут папа и мама! Так что будем ждать...

Мальчики ждали. Время шло. Никто не приходил. В коридоре кричали люди, ругались. И стало понятно, что происходит что-то непонятное...

Уильям глянул на растерянного Гарри.

– Я старший, а значит ты должен меня слушаться...

– Вот ещё! – возмутился Гарри.

– И не спорь! Я пойду спрошу что случилось, а ты будь тут, пока я не приду!

– Ладно... – ничего не оставалось Гарри, кроме как согласиться...

Он опустил глаза и даже не глянул вслед брату...

Время шло... Гарри почувствовал что пол в каюте стал не ровным, как-то наклонился вперед, к носу судна, а потом в каюту медленно, из под двери, пошла вода...

«Мы тонем!» – понял мальчик, и вскочил, не зная что делать. Искать Уильяма? Где? бежать к папе и маме? Но куда? Он встал в оцепенении посреди каюты. Один... Гарри понял, что остался один...

В коридоре кричали. Уже сильно, громко, и мальчик понимал, что кричат не просто так. Это были крики отчаяния и люди не столько ругались, сколько пытались звать на помощь... Почему? Этого Гарри не знал...

Дверь открылась. В каюту вошёл человек в чёрном. Гарри показалось, что хотя у него и было лицо, это лицо невозможно было разглядеть. Оно было как в тумане. Только в очень густом тумане, почти чёрном на фоне тусклого света в каюте.

– Братьев ждёшь? – спросил человек.

– Да... – кивнул Гарри в ответ, отступив назад.

Что-то жуткое охватило душу мальчика изнутри.

– Они не придут, Гарри, – ответил человек.

– Откуда Вы меня знаете? – спросил мальчик.

– Я знаю всё про тебя. Но у нас очень мало времени.

– То есть?

– То есть сейчас мы с тобой выйдем из каюты, пойдём по коридору к выходу и... дальше, думаю, нет смысла что-то объяснять. И времени тоже нет.

– Но мистер... я не знаю как Вас зовут... мой брат, Чарли... он сказал, – начал было мальчик говорить, но человек взял его за локоть и поволок за собой...

Гарри упирался, но едва оказавшись в коридоре, понял, что бояться надо не этого незнакомца.

Гарри оказался по колено в воде. Вода, холодная, пронизывающая до костей, хлынула в каюту через дверь, едва не снеся Гарри. Чьё-то тело ударилось об ноги мальчика и Гарри очень сильно напугался, и уже сам вцепился в руку этому незнакомцу и заплакал...

... Человек волок его за собой, наверх. Потом дальше, дальше, по лестнице... Народ толпился у выходов на палубы. Ругались, кричали, кого-то звали.

Незнакомец как-то быстро и молча, незаметно протащил мальчика сквозь эту толпу. Гарри не успел даже опомниться. Он успокоился и глянул на незнакомца только тогда, когда тот его подсадил на решётку, перекинул через неё на палубу второго класса, и сам прыгнул следом за мальчиком.

Тут было спокойнее, и народу гораздо меньше. Все толпились у шлюпок. Гарри и этот незнакомец были никому не нужны. Даже у матросов до них не было дела.

– Мистер, что происходит? – спросил Гарри, на всякий случай крепко схватившись за руку незнакомца.

– Да ничего, Гарри, – ответил тот, – «Титаник» тонет. Столкнулись с айсбергом. И меньше чем через полтора часа он ляжет на глубине... хотя, это тебе ничего не скажет.

– Где мои родные? – спросил мальчик как можно настойчивее.

– У нас с тобой нет времени, – ответил незнакомец...

В этот момент судно резко накренилось и все побежали вверх. Хотел было побежать и Гарри, но человек схватил его...

– Стой! Не туда! Наоборот – вниз! – закричал он и потащил мальчика в воду...

...холодная вода на мгновение обожгла Гарри и мальчику показалось, что он потерял рассудок. Опомнился уже на плоту.

Было холодно. Очень холодно... Человек грёб веслом. Вокруг была тишина. Чуть дальше виднелись шлюпки полные людей, а позади, стоя кормой вверх переливался огнями и криками «Титаник»...

– Он тонет... – проговорил Гарри.

Незнакомец положил весло на плот и подсел рядом, накинув на мальчика плед.

– Он тонет...

– А где... там же... там... – убивался Гарри.

– Твои родные? Они там...

– Почему Вы меня забрали?

– Это очень долго объяснять, Гарри...

Сильный грохот охватил тонущее судно. Рухнула одна из труб и в этот момент погасли огни, «Титаник» разломился на две части. Корма упала на воду, а нос ушёл на дно. Повсюду стоял страшный крик. Закричали люди в шлюпках. Огромный гигант встал кормой к небу и медленно опустился на дно...

Гарри только простонал...

Он долго сидел не понимая ничего и не слыша никого вокруг.

Наконец, когда ощущение реальности вернулось к мальчику, он посмотрел на незнакомца и преодолевая холод, стуча зубами, показал на шлюпки, людей тонущих там, где только что тонул «Титаник».

– Ты хочешь чтобы мы вернулись туда?

– Д... да... – кивнул Гарри.

– Нет... Иначе ты замёрзнешь... Тебе нужно быть дальше от этого места, – ответил незнакомец...

– Там мои сёстры, братья, папа и мама, Сид... – проговорил Гарри, – он совсем маленький...

– Их никого нет... Их больше нет... – ответил незнакомец.

– Как Вы смеее так говорить... Вы не знаете...

– Я всё про тебя знаю. И про то что Вы не должны были быть тут, и то что твой папа был вынужден сесть на этот лайнер... И про то что миссис Голдсмит... если бы она забрала тогда вас, то и Уильям и ты были бы сейчас в шлюпках с ней... И даже то что ты очень любишь Чарли, хотя его боишься...

– Вы следите за мной? Вы давно за мной следите?

– Да с тех пор как... Хотя... Давай потом поговорим? Я думаю там, – незнакомец указал на людей, – мы никого уже не спасём.

Он взял весло и начал грести подальше от места гибели...

– Нет! – закричал Гарри, – они там! Им нужна помощь!

И бросился в ледяную воду...

И в этот момент он снова проснулся на своём месте в каюте...

На этот раз он вскочил, вскрикнул и... напугал Фрэнки, разбудил Уильяма и очень разозлил Чарльза...

– Ты сошёл с ума? – услышал он голос Уильяма.

– Уилл? Ты? Ты тут? – обрадовался Гарри.

– А где мне быть? Ты чего скачешь, как полоумный? – встал Уильям.

Гарри слез с места и в его памяти начали всплывать только что пережитые образы.

Встал Чарльз.

– Я пойду гляну что случилось, – сказал он Гарри, – а ты ложись спать!

– Эй! – встал у него на пути Гарри, – ты никуда не пойдёшь!

– Да отойди с дороги, – отодвинул его Чарли и вышел из каюты...

– Это что только что было? – спросил Уильям.

– Если я не сошёл с ума, то Чарли скоро не вернётся... не вернётся, – заговорил, не то с мальчиками, не то сам с собой Гарри, – а минут через пять... минут через пять придёт миссис Голдсмит...

– Чего? – слез с полки Уильям, – ты штаны для начала одень, Гарри Гудини.

– Гы... – рассмеялся из под одеяла Фрэнки.

Гарри быстро оделся, глядя на Уильяма, который сидел на его месте, осторожно поглядывая на своего брата.

– Гарри, ты сошёл с ума? – спросил Уилл.

– Я не сошёл с ума, – важно сказал Гарри, застёгивая последнюю пуговицу на жилетке, – сейчас за Фрэнки придёт миссис Голдсмит. Вот увидишь. А потом я тебе всё расскажу...

Он не успел договорить. Дверь распахнулась. В каюту вошла, буквально влетела, миссис Голдсмит...

– Фрэнк, вставай, иди со мной, там оденешься, – быстро проговорила она.

– Что случилось, мамочка? Где папа? – нехотя встал Фрэнк, – я хочу быть с мальчиками. Сейчас вернётся Чарли и расскажет нам что-то интересное...

Мальчики молча смотрели на Фрэнки...

– Будьте тут. За вами сейчас придут...

– Нет! – крикнул Гарри! – Это уже было! Разве Вы не помните? Корабль тонет!

Миссис Голдсмит улыбнулась, как-то неестественно...

– Семьи попросили собраться вместе. За вами придут папа, или мама. Просто дождитесь их.

– Нет... – прошептал Гарри, – нет! Нет! Нет! Нет! – ударил себя мальчик нервно по коленям.

– Что такое? – посмотрел на брата Уильям, – тебе кошмар приснился?

– Мы тонем! А она нас бросила! Просто бросила! – крикнул Гарри.

– Гарольд, – ответил Уилл, – мне кажется, что ты очень перенервничал из-за дурного сна. Просто, видимо, что-то случилось такое, что...

– Случилось, – не дал ему договорить Гарри, – я видел как он утонул... Он просто взорвался и нырнул вниз... И вы все погибли. Все! Все кто тут был! Нам надо бежать следом, потому что с третьего класса никого не пустят к шлюпкам. Она пришла за Фрэнки, потому что было несколько минут когда можно было выйти...

– Ой ты, – усмехнулся Уильям, – ну ты всегда был с буйной фантазией, и впечатлительный. А я вот не верю в сны...

– Это был не сон! – чуть не закричал Гарри, – это был не сон! Это всё уже было! Ну что мне сделать, чтобы ты мне поверил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.